

ЗАПРЕЩЕННАЯ СТАТЬЯ 1876 г. О БЕЛИНСКОМ

Сообщение К. Богаевской

В июле 1876 г. в С.-Петербургский цензурный комитет поступила статья С. С. Шашкова «Белинский, его жизнь и деятельность», предназначавшаяся для помещения в августовской книжке журнала «Дело».

Сама по себе статья Шашкова (1841—1882), постоянного сотрудника журнала «Дело», являлась, в основном, компиляцией труда А. Н. Пыпина о Белинском, беспрепятственно напечатанного в «Вестнике Европы» за 1874—1875 гг.¹ Но «Дело» — демократический, радикальный орган, возглавлявшийся Г. Е. Благовестовым и сменивший закрытый в 1866 г., по высочайшему повелению, «крамольный» журнал «Русское слово», был на особом счету и у III Отделения и у Цензурного комитета. Журнал подвергался хроническим преследованиям цензуры, выражавшимся в запрете десятков статей. Одной из жертв этого цензурного террора и оказалась статья Шашкова. Правда, от труда Пыпина ее отличала более ярко выраженная демократическая направленность, стремление подчеркнуть в деятельности Белинского его борьбу против существующего порядка и упоминание Добролюбова как преемника идей Белинского.

Статья Шашкова напугала цензора А. Н. Юферова своей «тенденциозностью», «явным сочувствием к тому периоду, когда Белинский склонился к направлению отрицательному», и изложением его отношений с Герценом, Бакуниным и Огаревым.

В деле Цензурного комитета сохранилась корректура статьи Шашкова с цензурными пометками на полях. Пометки эти встречаются более чем в двадцати местах. Цензора смутили даже такие невинные строки в начале статьи, как: «Чуткий ко всему новому, ум Белинского еще в детстве отличался склонностью к оригинальности и самостоятельности».

Далее цензорский карандаш подчеркивает слова о трудности жизни Белинского в университете «при тогдашних строжайших порядках, когда студенту за каждое неосторожное слово, за малейший проступок угрожали исключение или солдатство и когда <...> нужно было льстить всем, начиная с унтер-офицера, каждому кланяться и пред каждым подличать»; слова о кружке Станкевича: «Одностороннее всего были нападения на Россию, возбужденные казенными ей похвалами»; «при такой натуре примирение <с действительностью> было решительно невозможно» и т. д.

Особо отмечены цензором упоминания имен Огарева, Герцена и Бакунина (последние зашифрованы под буквами «Г.» и «М. Б.»), намек на восстание 14 декабря и строки: «Действительность более и более разочаровывала его <Белинского>, и уже в конце 1839 года он писал Боткину: „Скажи Грановскому, что чем более живу и думаю, тем больше, к р о в н е люблю Русь, но начинаю сознавать, что это с ее субстанциональной стороны, но ее определение, ее действительность начинает приводить меня в отчаяние, — грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески...“»

Слова из писем Белинского:

«Мы живем в страшное время, судьба налагает на нас схиму; мы должны страдать, чтобы внукам нашим было легче жить...» и «После этого тяжелее мне всего вспомнить о „Горе от ума“, которое я осудил с художественной точки зрения <...>, не догадываясь, что это благороднейшее, гуманическое произведение, энергический и притом еще первый

протест против гнусной российской действительности, против <...> светского общества, невежества, добровольного холопства и пр., и пр., и пр.».

Цензурный комитет полностью разделил мнение Юферова, и статья не была допущена к печати.

Ниже публикуется выписка из журнала заседания Цензурного комитета от 18 августа 1876 г., посвященного разбору статьи:

Доклад п. д. цензора Юферова о статье для журнала «Дело» под заглавием: *Белинский, его жизнь и деятельность — Шашкова.*

Статья эта, по мнению цензора, по своей тенденциозности не может быть дозволена к напечатанию. В ней излагается обозрение литературной деятельности Белинского с явным сочувствием к тому периоду, когда Белинский склонился к направлению отрицательному; кроме того, в статье излагаются его отношения к эмигрантам Герцену, Бакунину, Огареву, литературной деятельности и направлению которых Белинский сочувствовал. Статья с таким содержанием и направлением, по мнению цензора, совершенно невозможна к дозволению, а тем более в журнале «Дело».

О п р е д е л и л о: согласно мнению цензурующего статью к напечатанию не допускать².

Редактор-издатель «Дела» Н. И. Шульгин, получив отказ, в тот же день обратился в Цензурный комитет с просьбой дать ему объяснение, по какой причине запрещена статья Шашкова³.

24 августа последовал ответ из канцелярии Цензурного комитета, дословно излагающий постановление Комитета⁴.

Но Шульгин не собирался так легко сдавать своих позиций. 26 октября он снова обратился в Комитет с мотивированной защитой статьи Шашкова:

В С.-Петербургский цензурный комитет

Редактора-издателя
журнала «Дело» Николая Шульгина

Прошение

На отношение Цензурного комитета от 24 августа за № 919 имею честь сообщить, что я не могу согласиться с мнением Комитета о статье: «Белинский, его жизнь и деятельность» по нижеследующим основаниям:

1) Статья эта представляет биографический очерк писателя, давно уже составляющего достояние нашей истории литературы и всех учебных курсов и хрестоматий, следовательно, такого писателя, о деятельности которого написано множество статей и монографий. Вредной тенденции, усматриваемой Комитетом в означенной статье, быть не может уже потому, что статья основана на исторических фактах, изменить и перетолковать которые не зависимо от воли автора.

2) Отношения Белинского к Бакунину, Герцену и Огареву входят в статью отдельным эпизодом и вовсе не составляют существенной части этой статьи: автор, так долго и добросовестно трудившийся над нею, ничего бы не имел против исключения этого эпизода, лишь бы сберечь остальные части своего труда. Отношения же Белинского к отцу М. Бакунина, на которых автор останавливается с особенным вниманием, не могут, конечно, считаться недозволенными к напечатанию, потому что отец Бакунина не имеет ничего общего ни в литературном, ни в политическом отношениях с своим сыном.

Покорнейше прошу настоящее прошение мое представить на благоусмотрение Совета Главного управления по делам печати вместе с запрещенной статьей <...>

Н и к о л а й Ш у л ь г и н⁵.

Цензурному комитету волей-неволей пришлось передать окончательное решение вопроса на рассмотрение Главного управления по делам печати. В отношении (от 1 ноября 1876 г.)⁶ Комитет изложил все дело и дословно перечислил причины запрещения ста-

ты, указанные в журнале заседаний, с добавлением нижеследующего обоснования своего запрета: «Принимая во внимание, что такое содержание и направление статьи совершенно совпадает с известным отрицательным направлением журнала „Дело“, против которого цензуре приходится постоянно бороться, и что Цензурному комитету особым конфиденциальным предписанием бывшего Г<лавного> у<правления>

Музыкальная партитура с рукописными пометками и надписями. В центре — заглавие: *Правительственная Песня* В. Г. Белинскому. Над заглавием — пометки: *на 5-ю строчку, 1-я строчка* и *В. Г. Белинскому*. Под заглавием — текст: *(Песня вставлена в Журнал "Дело" в 1874 году, по распоряжению цензурного комитета, предписавшего в 7-м № № 2 и 3, № 118 1874 года)*. Музыкальная запись включает ноты для голоса и фортепиано, с русскими текстами: *Мне милы все вы, кто со мной был, кто со мной был, кто со мной был!*, *И вы все вы все вы все вы все вы все вы все вы все!*, *Мне милы все вы, кто со мной был, кто со мной был, кто со мной был!*, *Слова мои о вас не для вас, не для вас, не для вас, не для вас...*, *Слова мои о вас не для вас, не для вас, не для вас, не для вас...*. В левом верхнем углу — пометка: *Музыка*. В правом верхнем углу — пометка: *А. В.*. В левом нижнем углу — пометка: *№ 118 1874 года*.

НОТЫ НЕ РАЗРЕШЕННОЙ К ИСПОЛНЕНИЮ
«ПРИВЕТСТВЕННОЙ ПЕСНИ В. Г. БЕЛИНСКОМУ»,
СОЧИНЕННОЙ КО ДНЮ 50-ЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ
КРИТИКА

Музыка А. В. Касторского на слова Н. А. Некрасова
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

от 31 января 1874 года поставлено было в обязанность устранять статьи, выражавшие господствующее в журнале направление,

Комитет не признал возможным появление на страницах сего журнала статьи с вышеозначенным содержанием и характером.

Донося о сем Главному управлению по делам печати, Комитет считает долгом присовокупить, что заявление г. Шульгина о том, что эпизод об отношениях

Белинского к Герцену, Бакунину и Огареву мог бы быть исключен, а остальная часть статьи могла бы быть дозволена, равным образом [едва ли уважительно] ввиду имеющегося распоряжения, последовавшего именно по журналу „Дело“, чтобы тенденциозные статьи были бы запрещаемы в целости, а не подвергались [бы] только цензурным исключениям (предписание Глав<ного> упр<авления> по д<елам> п<ечати> от 11 апреля 1867 года за № 1028).

К отношению Комитета были приложены: прошение Шульгина и корректура статьи Шашкова.

Рассматривавший заявление Цензурного комитета член Совета Главного управления по делам печати В. М. Лазаревский целиком поддержал постановление Комитета, что и было утверждено на заседании Совета 9 ноября 1876 г.⁷

2 декабря Главное управление вернуло в Цензурный комитет полученные материалы вместе с сообщением, что «Совет Главного управления, рассмотрев вышеозначенную статью, признал определение Комитета о ее запрещении правильным и ходатайство издателя об отмене этого определения не подлежащим удовлетворению и что таковое заключение Совета утверждено г. Министром внутренних дел»⁸.

Но революционно-демократические традиции журнала «Дело» причили его сотрудников обходить цензурные рогатки. Не прошло и года, как в №№ 1, 3—5, 7 и 8 «Дела» за 1877 г., в разделе «Современное обозрение», появился очерк (в пяти статьях) того же С. С. Шашкова: «Эпоха Белинского».

Первая статья этого очерка была посвящена Грибоедову и поэтам-декабристам; вторая (в № 3) — Баратынскому, Кюхельбекеру, Д. Давыдову, Бенедиктову, К. Павловой, Кукольникову, Загоскину и оценке Белинским их творчества; третья (в № 4) — славянофилам и противникам Белинского — Гречу, Булгарину, Шевыреву; самые большие и значительные статьи, четвертая и пятая (в №№ 5, 7 и 8), — самому Белинскому.

В четвертой и пятой статьях Шашков исполнил прежнее желание — «сберечь остальные части своего труда». Он включил в них дословно самую существенную часть (треть по количеству) своей прошлогодней статьи о Белинском, изъяв из нее ряд подробностей и места, особенно возмущившие цензуру.

В делах Цензурного комитета сохранилась только первая часть запрещенной статьи Шашкова о Белинском, оборвавшаяся на 1841 г. Но по окончании его статьи «Эпоха Белинского» (в № 8 «Дела» 1877 г.)⁹ можно приблизительно представить ее содержание. Здесь Шашков анализирует труды Белинского 1840-х гг. В заключение, после описания смерти критика, он приводит знаменитые слова Добролюбова: «Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Отдельное издание труда Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка» было разрешено тем же СПб. цензурным комитетом весной 1876 г.

² ЦГИАЛ, ф. 777 (СПб. цензурного комитета), оп. 2, 1876 г., № 76, т. VI, л. 14.

³ Там же, № 790, л. 20. Прошение Н. И. Шульгина от 18 августа 1876 г.

⁴ Там же, № 919, л. 21. Черновой отпуск.

⁵ Там же. Входящий номер Комитета — 989.

⁶ Там же, № 1139, л. 35—35 об. Черновой отпуск.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 776 (Главн. упр. по делам печати), оп. 2/67. Журнал заседаний за 1876 г., № 16, док. № 53 от 9 ноября, лл. 326—328 об.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 777 (СПб. цензурный комитет), оп. 2, 1876 г., № 76, т. VI, л. 37—37 об. Отношение Главн. упр. по делам печати от 2 декабря 1876 г. за № 6206.

⁹ «Дело», 1877, № 8, отд. «Современное обозрение», стр. 1—23.